

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

© В.В.Власичева

Лексические заимствования являются неотъемлемой частью любого языка. В статье рассматриваются условия и предпосылки начала процесса транспозиции языковых элементов. Культурная и историческая специфика функционирования заимствований из тюркских языков в английском языке новейшего периода раскрывается на материале текстовых корпусов.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствования, тюркизмы, корпус языка.

Словарный состав любого языка находится в непрерывном обновлении. Вслед за философом-просветителем XVIII века Д. Дидро, считавшим, что "одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи дает возможность представить характер прогресса народа" [цит. по 1: 25], современные лингвисты отмечают социальную природу языка как основной фактор, обеспечивающий его развитие в качестве открытой самоорганизующейся системы. Благодаря связи языка с жизнью общества отображение в словарном составе изменений, происходящих в мире или определенном социуме, совершается практически мгновенно.

Язык видоизменяется путем перераспределения функций того или иного языкового факта, формирования новых правил, уточнения либо исключения уже имеющихся. Любое новообразование возникает в связи с необходимостью, продиктованной обществом. Языковые контакты являются важным источником изменений в языке, в первую очередь в самой проницаемой и быстро изменяющейся его части – лексике.

Одним из результатов контактов являются заимствования – особый пласт лексики как с точки зрения процессов номинации, так и в плане мотивированности. По определению Лингвистического энциклопедического словаря, заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [2: 155].

Возникновение этого феномена обусловлено причинами экстралингвистического характера: экономическими, политическими, военными условиями соприкосновения языков; культурным престижем вступивших в контакт языков; многочисленностью говорящих на них народов; активностью или пассивностью сторон; социальным авторитетом носителей того или иного языка; наличием закрепленных этнических контактов

[3: 257]. При этом чаще всего процесс перехода лексем из одного языка в другой носит асимметричный характер, так как язык-донор обладает большим социальным престижем по сравнению с языком-реципиентом.

В то же время на появление заимствований (т.е. возникновение в языке новых лексем) влияют такие внутренние факторы, как:

а) низкая частотность употребления соответствующих исконных слов;

б) наличие узко ограниченного круга контекстов, в которых могут использоваться слово и, следовательно, потребность в синонимии;

в) наличие лакуны для обозначения того или иного объекта;

г) потребность в эвфемизмах и экспрессивно окрашенной лексике.

Количество заимствований зависит от типов языков, находящихся в контакте. Близкородственные языки (турецкий и азербайджанский, русский и украинский) характеризуются структурным сходством, следовательно как слова, так и словообразовательные элементы усваиваются носителями языка-реципиента легче и быстрее, чем в случаях с языками, где структурные различия глубоки [4: 65]. Б.А.Серебрянников отмечает, что иноязычная лексика легче усваивается языками с преобладанием нечленящихся с синхронной точки зрения слов и труднее – языками с активно функционирующими способами словосложения и словообразования [4: 65]. Как правило, заимствованными оказываются имена собственные, термины. Тем не менее, бывают случаи, когда процент заимствованной лексики в основном словарном фонде очень высок: например, в средневековом турецком (османском) языке до 80% слов составляли заимствования из арабского и фарси [5: 54].

Лексические заимствования обуславливают последующие фонологические и морфологические изменения в ходе адаптации к системе языка-реципиента. Адаптация представляет собой

процесс, при котором экзотичность внешней оболочки постепенно утрачивается и у носителей языка исчезает ощущение инородности того или иного слова на уровне восприятия. В качестве подтверждения данного положения можно привести такие тюркизмы в русском языке, как "кабачок" (в значении "овощ"), "богатырь"; в английском языке – "coach" (карета), "vampire" (вампир), "caviar" (икра). Наблюдается "слияние самого интимного характера, подобное тому, которое происходит, когда в чашку чая бросают сахар: через пару минут уже невозможно сказать, где чай и где сахар" [6: 246].

Часть заимствований, обозначающих реалии другой страны или иного культурного сообщества (наименования денежных знаков, жилищ, кушаний), сохраняет следы своего происхождения в виде фонетических, семантических, грамматических особенностей, чуждых исконным словам (тюркизмы "effendi" "господин", "bimbashie" "майор турецкой армии" в английском языке). Хорошей иллюстрацией к вышесказанному могут послужить слова О.Есперсена: "В большинстве языковых смешений составные части, происходящие из различных языков, остаются в раздельном состоянии и могут быть выделены точно так же, как после перемешивания колоды карт выделяются пики, черви и т.д." [6: 246].

Многие современные лингвисты классифицируют такие заимствования как экзотизмы [7: 77; 8: 44; 9: 138]. О.Г.Щитова предлагает использовать термин "ксенолексика" для слов, не освоенных языком-реципиентом [10: 102]. Процесс заимствования обусловлен противоречивой природой языкового знака. Будучи произвольным, знак разрешает заимствование. С точки зрения языковых контактов, процесс заимствования можно рассматривать как использование готовых единиц чужого языка, следовательно, экономию языковых усилий при порождении речи. Непроизвольность знака – фактор, препятствующий заимствованию. Потеря ассоциативных связей в языке-реципиенте влечет за собой потерю потенциальной мотивированности заимствованных слов, что вызывает существенные трудности с распознаванием их смысла при восприятии речи. По этой причине процесс заимствования не является единственным средством образования новых слов в языке и уступает количественно таким процессам номинации, как словообразование и семантическая деривация.

В данной статье мы рассмотрим вопрос реализации культурной специфики некоторых тюркизмов (заимствований из тюркских языков) в английском языке. В мире насчитывается более 40 тюркских народов общей численностью около

150 миллионов человек. Создавшие на евразийском континенте множество разных государств, в том числе Гуннскую империю, Тюркский каганат, Золотую Орду, империю Тимура, тюрки оказали большое влияние на быт людей, населяющих Британские острова [11]. В ходе военных набегов и завоеваний, экспансии Османской и Британской империй в английском языке появилось около 300 тюркизмов, о чем свидетельствуют данные этимологических словарей английского языка [13; 14]. Количество тюркизмов увеличится более чем в два раза за счет слов арабского, персидского, греческого происхождения, если следовать точке зрения В.Д.Аракина, согласно которой тюркизм – это "слово, непосредственно заимствованное из тюркского, независимо от его происхождения в тюркском языке" [12: 113]. По мнению Р.М.Бутиной, количество тюркизмов в английском языке достигает 800 единиц [11]. В современной западной лингвистике тюркизмы рассматриваются в рамках изучения лексики арабского и персидского происхождения (Cannon Garland, Alan S.Kaye).

Будучи заимствованиями, тюркизмы активно включаются в разнообразные семантические процессы. Одним из редко наблюдаемых случаев одновременного функционирования заимствований, появившихся в английском языке в разное время и из разных источников, являются этимологические дублиеты "sultan" и "soldan". Процесс появления лексемы "sultan", заимствованной в XVI веке, можно представить в виде следующей схемы: *sultan* <франц. *sultan* <тур. *sultan* <араб. سلطان *sūltān*, "султан, власть" [13: 2033]. В современном английском языке заимствование *sultan* используется не только в прямом, но и в переносном значении (*any absolute ruler or despot* – деспот), развивает дополнительные значения (*sultan* – султанка, порода кур; *sweet sultan* – василек), а также является основой для целого ряда дериватов (*sultanic, sultanlike, sultanship, sultanate, sultana*).

Дублет "soldan", используя французский и турецкий языки в качестве посредников, попал в английский тремя веками ранее своего синонима [13: 2028]. В современных словарях его дефиниция сопровождается пометой "архаизм" [14: 1072].

В качестве примера еще одной дублетной пары можно привести слова "sorbet" и "sherbet". Первая лексема – заимствование XVI века – основывается на арабском "sharbāt" ("напитки"), но обязано своей формой турецкому языку ("şorbet"). Вторая лексема появилась в английском языке в XIX веке с дополнительным значением "приготовление шербета" [13: 2033].

Рассмотрим процесс семантического изменения значений данных слов и их функционирование в настоящем периоде на материале текстовых корпусов британского (British National Corpus) и американского (Corpus of Historical American English, Corpus of Contemporary American English, корпус журнала TIME) вариантов английского языка.

Таблица 1.

Частотность лексем sorbet и sherbet в текстовых корпусах английского языка

корпус	BNC	COCA	Time	COHA
слово				
Sorbet	34	448	13	72
Sherbet	25	179	32	195

Таб.1 представляет количество словоупотреблений рассматриваемой пары тюркизмов в выше указанных текстовых корпусах. Обращает на себя внимание тот факт, что тюркизм *sorbet*, заимствованный на три века раньше синонима, доминирует по количественному показателю в двух из трех корпусов, отражающих состояние языка в синхронии. В то же время в Корпусе исторического американского варианта английского языка (COHA), включающем в себя тексты с конца XIX века, вариант *sherbet* является более распространенным.

Анализ предложений из выше указанных корпусов не выявил значительных расхождений в семной структуре синонимов (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ значений и контекстуального окружения лексем sorbet и sherbet

Sorbet	Sherbet
Десерт (dessert) – a water ice made from fruit juice	
Не содержит молочные продукты	Может содержать молочные продукты
Компонент коктейлей	
Легкая закуска кремовой текстуры с использованием овощей, морепродуктов	
Оттенок цвета (sorbet shades, sorbet shadows, sorbet hues)	
Названия косметической продукции (оттенки помады, теней)	

Барбара Кафка отмечает, что сначала слово *sorbet* обозначало не десерт, а освежающую закуску, используемую в перерывах между основными блюдами на формальных мероприятиях. Этот тюркизм стал активно употребляться в 70-х гг. XX века, когда вошло в моду итальянское мороженое, так называемое *sorbetto* (тюркизм, адаптированный на фонетическом уровне в

итальянском языке). Под влиянием итальянского варианта заимствование *sherbet* стало "сдавать позиции" [15: 32].

В британском и американском вариантах английского языка наблюдаются отличия в использовании одного и того же заимствования. Например, тюркизм *sorbet* в британском английском употребляется только в значении "десерт". В его ближайшем контекстуальном окружении оказываются определения, характеризующие вкусовые качества продукта (*tastiest, mouthwatering, delicious, luxury, refreshing*) [16]. В американском варианте английского языка в позиции перед тюркизмом чаще всего появляются названия фруктов и ягод, из которых он приготовлен (*raspberry, lemon, grapefruit...*) [17]. В британском корпусе *sherbet* представляет собой жидкое вещество (*Another slave appeared, bearing two crystal goblets full of sherbet; He took a draught of sherbet; Jump up on the sherbet fountain*) [16], а в американском английском *sherbet* – чаще всего фруктовое мороженое.

Оба тюркизма могут использоваться в метафорическом значении:

In an overheated Hollywood summer, this movie is a sorbet that goes straight to the heart [17].

He stabbed the Turkish leader, causing "the illustrious sultan to drink the sherbet of martyrdom" [17].

Подведем итог: в английском языке современного периода употребляются оба тюркизма, однако заимствование *sorbet* в значении "фруктовый лед" получило большую распространенность по экстралингвистическим причинам. Тюркизм *sherbet* имеет два значения: "фруктовое мороженое", "сладкий напиток восточного происхождения".

Многие имена собственные и этнонимы тюркского происхождения становятся нарицательными существительными. Так, тюркизм *Tartar* (татарин) развивает новое значение "человек с ужасным характером":

– You are being so Tartar! Stubborn and obstinate... [16].

Развитие данного значения частично обусловлено упрямством и боевыми качествами татар, о которых слышали европейцы. Кроме того, сыграло свою роль и созвучие этнонима с греческим обозначением ада, *tartaron* (ср. в русском языке – Тартар, тартарары), от которого в английском языке новейшего периода произошло слово *tartar* ("зубной камень"), не являющееся тюркизмом и находящееся с ним в омонимических отношениях.

Тюркизм *Tartar* становится частью фразеологизма *to catch a Tartar* "встречать сильный от-

пор", зафиксированного в "Словаре фраз и ба-сен" в 1898 году в тексте анекдота, который строится на игре слов (буквальное значение фразы *to catch a Tartar* – поймать татарина).

An Irish soldier in the Imperial service, in a battle against the Turks, shouted to his comrade that he had caught a Tartar. "Bring him along, then," said his mate. "But he won't come," cried Paddy. "Then come along yourself," said his comrade. "Arrah!" replied Paddy, "I wish I could, but he won't let me" [18: 225].

Вместе с тем основное употребление рассматриваемого этнонима в современном английском языке приобретают его конверсивы в составе фраз *tartar sauce* "соус тартар" и *steak tartar* "бифштекс по-татарски". Эти блюда появились во Франции в XIX веке благодаря моде на все экзотическое и не имеют никакого отношения к национальной татарской кухне. Острый соус и котлеты из сырого мяса, по мнению французов, репрезентировали пищевые привычки воинственного и дикого народа. Таким образом, стереотипы послужили причиной распространения этого тюркизма во многих языках мира, в том числе и в английском языке.

Займствование *Hun* (гунн) употребляется не только в историческом контексте. Коннотации этого слова включают в себя такие стереотипные отрицательные черты характера гуннов, как воинственность, кровожадность, безжалостность. Во время Второй мировой войны гуннами называли немцев:

"Don't want to guide the Hun to bomb the place, Skipper" Diego said [16].

Аналогичным образом тюркизм *Horde* (орда) ассоциируется, прежде всего, с грубостью и необузданной силой. В ходе проведенного нами эксперимента с участием 60 респондентов из США, которых просили на шкалах от -100 до +100 отметить качества, с их точки зрения присущие орде, средней величиной на шкале -100 (ЗЛОЙ) +100 (ДОБРЫЙ) стало значение -39,5. Отрицательное значение возросло до -50 на шкале -100 (ОПАСНЫЙ) +100 (БЕЗОПАСНЫЙ).

По данным Корпуса современного американского языка (СОСА), существительное *horde* используется с такими прилагательными, как *angry* (злой), *evil* (зловный), *fatal* (смертельный), *murderous* (смертоносный), *blood-thirsty* (кровожадный), *bloodstained* (окровавленный), *nightmare* (кошмарный), *wild* (дикий), *savage* (свирепый), *relentless* (беспощадный), *offending* (преступный), *ravaging* (опустошающий), *ravenous* (прожорливый), *plundering* (граблящий), *marauding* (мародерский). Интеллектуальность орды определяется исходя из таких характеристик, как *mindless*

(безмозглый) и *undisciplined* (недисциплинированный) [16; 17].

Подтверждением отрицательного образа орды в английском языке можно считать звуки, которые она издает. Это прежде всего крики, вопли, хрип и вой (*cries, shrieks, screams, howl, screeching*). Облик орды безлик и бесформен (*faceless, amorphous*) [17].

В то же время ментальный образ орды, вырисовывающийся на базе проанализированных нами текстов различной тематики в корпусах английского языка, не является столь одноплановым. Орда может быть и миролюбивой (*peaceable*), и великолепной (*magnificent*), и ангельской (*angelic*) [16; 17].

Кроме того, в антропологических научных текстах и социологических исследованиях тюркизм является частью термина *primal horde* "первичная орда", определяющего организацию семейной жизни человека в первобытном обществе.

In the supposed "primal horde" each individual has substituted for his own "ego-ideal" the image and will of the leader [16].

Таким образом, тюркизм *horde* в английском языке используется в текстах различного рода и имеет достаточно высокую частотность.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к следующим выводам:

1. На примере тюркизмов подтверждается гипотеза, что продолжительное сосуществование в языке абсолютных или почти абсолютных синонимов невозможно и всегда ликвидируется либо размежеванием их значений (*sorbet* и *sherbet*), либо вытеснением из языка "ненужных" слов (*sultan* и *soldan*);

2. Этнонимы тюркского происхождения в английском языке имеют тенденцию к развитию коннотативных значений.

В целом, изучение тюркизмов требует продолжения и дальнейшей систематизации, поскольку, наряду с экзотизмами и вышедшими из употребления лексемами, часть тюркизмов не только сохранилась в языке, но и переживает период активного семантического преобразования. Одной из причин таких процессов является возросший интерес к восточной культуре и выделение правительством США грантов на изучение тюркских языков в реальных условиях. Другой не менее важной причиной стала глобализация, значительно сблизившая многие народы и упростившая процесс межкультурной коммуникации.

1. Горбачевич К.С. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее: Иностранцам о русском языке. – М.: Рус. яз., 1990. – 278 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 683 с.
3. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 410 с.
4. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А.Серебrenников. – М.: Наука, 1970. – 600 с.
5. Lewis Geoffrey L. The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 190 p.
6. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: Моск. гос. ун-т, 1962. – 383 с.
7. Воронкова И.С. О понятиях "экзотизмы" и "варваризмы" // Вест. Воронеж. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №2. – С.77-79.
8. Самотик Л.Г. Экзотизмы как единицы измерения восприятия русскими инонациональной среды // Вест. Чит. ун-та. – 2010. – №5. – С.44-49.
9. Маринова Е.В. Экзотическая лексика как лингвистический феномен // Вест. Нижегород. ун-та им.Н.И.Лобачевского. Сер. Филология. – 2003. – №1. – С.138-142.
10. Щитова О.Г. Функционально-стилевая миграция заимствований как один из критериев их ассимиляции в языке-реципиенте // Вест. Томск. гос. ун-та. – 2007. – №294. – С.102-108.
11. Биккинин И. Тюркизмы в английском языке // URL: <http://tatar.yuldash.com/059.html> (дата обращения 25.09.2011).
12. Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках / под ред. Н.А.Баскакова. – М.: Наука, 1974. – С.112-148.
13. The Oxford Dictionary of English Etymology / ed. C.T. Onions. – Oxford: OUP, 1996. – 2598 p.
14. Collins English Dictionary. Complete & Unabridged 10th Edition. – N.-Y.: William Collins Sons & Co. Ltd., 2009. – 1879 p.
15. Kessler J. Sorbet! Fruity ice dish a cut above plain sherbet // Denver Post Food. – March 2001, №45. – P.45-46.
16. British National Corpus: Web-master Lou Bernard // URL: www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения 25.09.2011).
17. Corpus of Contemporary American English: Web-master Mark Davies // URL: <http://www.americancorpus.org/> (дата обращения 25.09.2011).
18. Dictionary of Phrase and Fable / Collected by E.Cobham Brewer. – Hare: Wordsworth Ltd Editions, 2001. – 1324 p.

CULTURAL FEATURES OF TURKIC LEXICAL BORROWINGS

V.V.Vlasicheva

Loan-words are considered to be an inseparable part of any language. The article explores conditions and prerequisites for lexical borrowings and demonstrates cultural and historical features of Turkic loan-words in the newest period of the English language development.

Key words: language contacts, borrowings, Turkic loan- words, corpus.

Власичева Виктория Валерьевна – аспирант кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: v.vlasicheva@gmail.com

Поступила в редакцию 01.03.2011